
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

ТИПОЛОГИЯ АРХЕТИПА «МАТЬ» В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Н. В. ШЕЛГУНОВА (К 200-ЛЕТИЮ КУЛЬТУРОЛОГА, ПЕДАГОГА, ПУБЛИЦИСТА И ЭКОНОМИСТА)

УДК 008(47):33

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2024-354-5-13>

Елена Николаевна СУВОРКИНА,

кандидат культурологии, заведующая сектором систематизации,

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина,

Рязань, Российская Федерация,

e-mail: suvorkina@list.ru

Аннотация. В статье анализируется специфика феномена «русские матери», его типология, предложенная Н. В. Шелгуновым. Анализ не носит моноотраслевой характер, что обусловлено мировоззренческой позицией публициста, базовыми компонентами которой являются: общественно-политическая позиция, экономический контекст и национальный вопрос. Только детальное изучение этих составляющих позволит интерпретировать иные предметные феномены в рамках его концепции, которые находятся во взаимосвязи. Типология русских матерей представлена пятью типами. Но, несмотря на подчеркнутую национальную позицию, включающую также использование зооморфного образа «медведь», она может быть применима и для характеристики матерей других национальностей. В том числе во взаимосвязи с сугубо экономическими понятиями – труд, собственность, рабство, эксплуатация. Концепция Н. В. Шелгунова в рамках анализа одной из плоскостей отношений «ребенок – взрослый» как «господин – раб», где мать – это первый раб, продолжает оставаться актуальной. Более того, в условиях детоцентризма эта модель в ряде случаев становится единственно приемлемой, что несет потенциальную угрозу обществу.

Ключевые слова: Н. В. Шелгунов, мать, русские матери, ребенок, воспитание, «ребенок – взрослый», рабство, труд.

Для цитирования: Суворкина Е. Н. Типология архетипа «мать» в социально-экономической концепции Н. В. Шелгунова (к 200-летию культуролога, педагога, публициста и экономиста) // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2024. №3 (54). С. 5–13. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2024-354-5-13>

**TYPОLOGY OF THE ARCHETYPE «MOTHER»
IN THE SOCIO-ECONOMIC CONCEPT OF N. V. SHELGUNOV
(FOR THE 200TH ANNIVERSARY OF THE CULTUROLOGIST,
TEACHER, PUBLICIST AND ECONOMIST)**

Elena N. Suvorkina,
CSc in Cultural Studies,
Head of the Systematization Sector,
Ryazan State University named after S. A. Yesenin,
Ryazan, Russian Federation,
e-mail: suvorkina@list.ru

Abstract. The article analyzes the specifics of the phenomenon of «Russian mothers», its typology proposed by N. V. Shelgunov. The analysis is not of a single-industry nature, which is due to the ideological position of the publicist, the basic components of which are: socio-political ideology, economic context and the national question. Only a detailed study of these components will make it possible to interpret other subject phenomena within the framework of his concept, which are interrelated. The typology of Russian mothers is represented by five types. But despite the emphasized national position, including the use of the zoomorphic image «bear», it can also be applied to characterize mothers of other nationalities. Including in connection with purely economic concepts – labor, property, slavery, exploitation. The concept of N. V. Shelgunov within the framework of the analysis of one of the planes of the «child – adult» relationship as «master – slave», where the mother is the first slave, continues to be relevant, which poses a potential threat to society.

Keywords: N. V. Shelgunov, mother, Russian mothers, child, upbringing, «child – adult», slavery, labor.

For citation: Suvorkina E. N. Typology of the archetype «mother» in the socio-economic concept of N. V. Shelgunov (for the 200th anniversary of the culturologist, teacher, publicist and economist). *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts.* 2024, no. 3 (54), pp. 5–13. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2024-354-5-13>

Николай Васильевич Шелгунов (1824–1891) – представитель прогрессивной интеллигенции второй половины XIX века, который имел на многие вопросы свой особый взгляд. Преимущественно это касается экономики, истории, философии, педагогики, общественных процессов [1, 3, 4, 5, 7, 8]. Заметим, что именно по такому отраслевому принципу сгруппированы его работы, в частности, в двухтомном издании «Сочинения», выпущенном в 1895 году (2-е изд.): статьи исторические, общественно-педагогические, экономические, социально-экономические, критические.

Было бы упущением не сказать, что он был и профессиональным лесоводом-таксатором. Но главное – Н. В. Шелгунов – революционер-демократ, представитель социального утопизма, последователь Н. Г. Чернышевского, сторонник политики проведения коренных преобразований в русском обществе на основе изменения экономической политики при условии свержения самодержавия. Именно общественно-политические взгляды в совокупности с экономическими являются определяющими и базовыми для понимания его позиции по другим вопросам, включая воспитание детей.

В связи с этим остановимся на них несколько подробнее, поскольку часто в его работах соседствуют рассуждения о воспитании ребенка и, например, мысли об условиях эффективного управления и производства, характере труда, барщине, крепостном праве, капитализме, формах эксплуатации. (Можно привести следующий смешной пример: критикуя «Руководство к русской азбуке» и методику обучения В. И. Водовозова, Н. В. Шелгунов сравнивает детское воспитание с экономической системой разделения труда, при которой голова ребенка совершенно не нужна, поскольку педагог за него все делает сам, не давая возможности самостоятельно мыслить [11, с. 21]). Или с мыслями о воспитании ребенка будут сопряжены идеи общественного переустройства, выработке «правильной» социально-идеологической позиции матери.

Такое соседствующее противоречие и неочевидная обусловленность, зависимость – одно из отличительных черт наследия Н. В. Шелгунова. Частично это определяется тем, что его работы носят публицистический характер. Он обращается с вопросами к читателю, полемизирует, обозначает свою точку зрения, приводя яркие, образные примеры.

Базовые составляющие миропонимания Н. В. Шелгунова:

1. Общественно-политические вопросы.
2. Экономические вопросы.
3. Национальный вопрос.

Для всего творчества Н. В. Шелгунова характерна подчеркнутая национальная составляющая, которая и определяет особенности сознания, менталитета конкретной народности в заданном локусе. Хотя концептуально точным понятием здесь будет выступать «цивилизация». В своих исторических статьях он, в частности, пишет о европейской цивилизации, цивилизации Китая. Три же главные народности Европы – славянская, романская и германская [13, стб. 99]. Н. В. Шелгунов соглашается, что славяне во многом уступают двум остальным, но при этом именно они являются носителями особого предназначения в рамках концепции панславизма: «...Всемирно-историческое призвание славян заключается в обновлении всего европейского общества и в сообщении этому дряхлому, изжившему телу новых, свежих сил» [13, стб. 109]. Так, в начале своей революционной деятельности он, как и ряд его соратников по обществу «Земля и воля», видел русскую общину в качестве основы для социального преобразования не только России, но и Запада. В дальнейшем от этой идеи он отказался. Но все его работы сводятся к изучению именно русской жизни, к стремлению понять, как она устроена, как можно ее улучшить. Он с гордостью и любовью пишет о русской культуре, о ее богатстве, своеобразии, величии, способности оказывать влияние на культуру Западной Европы. В частности, это отчетливо прослеживается в его статье «Очерки о русской жизни» [12].

И в таких статьях как «Из истории русской деревни», «Типы русского бессилия» Н. В. Шелгунов четко очерчивает границы исследования – Россия. Его сфокусированность на России все более усиливается после реформы 60-х гг., когда он все более убеждается в том, что социально-экономическое развитие общества составляет основу исторического процесса. Но при этом оно не зависит от людей, его достаточно предельно внимательно изучать [11, с. 14].

Думается, что Н.В. Шелгунова, как исследователя истории философии, исторического процесса и прогресса, цивилизаций и их типов, славянской народности и русской жизни, общины, культуры можно считать не только публицистом, философом, экономистом, но и культурологом. Культурология – достаточно молодая наука, а наследие данного деятеля в рамках этой науки еще не рассматривалось. Мы считаем эту задачу важной и перспективной для дальнейших исследований.

Таким образом, обозначенные базовые условия мировоззрения Н. В. Шелгунова и межпредметный комплекс позволяют подвести к тому, что феномен «мать» в его интерпретации достаточно сложный, глубокий, неоднозначный, разносторонний и представляющий некоторую сложность в плане академической четкости интерпретации и типологии, что обусловлено в том числе публицистическим характером его работ.

Специфику позиции матери, как субъекта воспитания, Н. В. Шелгунов рассматривает в статье «Русские матери», которая входит в состав «Писем о воспитании». И он выделяет несколько типов:

1. Мать, «закармливающая своих детей», без воспитательных принципов. Это выражается в избалованности, безнаказанности, вседозволенности. Она беззаботно любит ребенка, прощая ему все. При этом она не особо вникает в методику воспитания.

Интересно отметить, что, если сопоставить различный биографический материал, включая мемуарный, то выяснится, что данный тип описывает его родную мать. Пример, в котором он рассказывает, как некий мальчик безнаказанно кидает в мать ножницы, в действительности взят из жизни Н. В. Шелгунова. Именно он кинул в родительницу данный предмет. Публицист изменил лишь имя – собственное Коля [8, с. 61] на выдуманное «Миша»: «Миша, Миша, много повредит тебе твоя горячность...» [13, стб. 651]. Это единственное, что сказала мать, и погладила по голове.

2. Мать, «закармливающая своих детей», с воспитательным принципом. Например, теория «светлого воспоминания» подразумевает, что в жизни должны быть приятные моменты. Точнее, концепция трансформировалась в теорию жизни, состоящую только из радостей, в которой нет места печали.

Таким образом, мать конструирует у ребенка иллюзию беспроблемной жизни, что формирует развитие таких качеств как инфантилизм, слабохарактерность.

3. Матери с воспитательным принципом и финансово обеспеченные.

Воспитательный принцип сопряжен, главным образом, с родовыми понятиями и принципами. Как написал Н. В. Шелгунов, в этих семействах «все делается для почернелых портретов» [13, стб. 654]. Воспитание выстроено в соответствии с принципом долженствования и соответствия законам аристократии (планирование дня ребенка, обучение, досуг, круг общения (ребенок – ребенок (друзья) и ребенок – взрослый (гувернер, гувернантка, учителя и пр.)).

4. Матери со строгими воспитательными принципами, которые сосредоточены на воспитании и обучении, но не проявляющие к ребенку каких-либо сильных эмоций. Материнская любовь не находит своего яркого выражения. Позиция всепрощения отсутствует, наказание имеет место быть.

5. Матери, не имеющие строгих воспитательных принципов, но проявляющие чрезмерно сильные эмоции к ребенку. Данный тип является условием развития детоцентризма. При этом это содержит деструктивное начало – любым проявлениям девиантного поведения мать находит оправдание.

6. Матери («прозрачные маменьки»), ориентирующиеся на принцип «нежно и красиво» в воспитании детей. Автор подчеркивает, что он имеет не эстетический контекст, а психологический. Болезненность матери проецируется на ребенка.

Н. В. Шелгунов, обозначая указанные типы русских матерей, вместе с тем не осуждает их – ни один тип не является идеальным. Он *понимает* каждую из них: действия женщин базируются исключительно на любви к ребенку, стремлении оградить его от опасностей, проблем. При этом понимание опасности – индивидуально. Это определяет и специфику типа.

Кратко заметим, что он пытался *понять и оправдать* свою жену – Шелгунову Людмилу Петровну, которая, по нашему мнению, должна представлять дополнительный отдельный тип так называемой «матери-кукушки». Находясь в браке с Николаем Васильевичем, она родила двух мальчиков – Михаила и Николая – от двух разных мужчин (поэта М. Л. Михайлова и революционера А. А. Серно-Соловьевича соответственно), при этом младшего она стремилась отдать супругу, как ненужного и потенциально больного (прогнозировалось проявление у него наследственного психического заболевания от биологического отца) [8].

Интересно, что в отношении с матерью Н. В. Шелгунов также просит оправдания, понимания, помощи. В одном из писем к жене, находясь в заключении после поездки в Сибирь к М. Л. Михайлова, он обращается к ней с просьбой написать его «маменьке» и *что-нибудь придумать в оправдание*, почему он так долго молчал. Как сын, он не хотел расстраивать родную мать печальными новостями [8, с. 61]

Но возвратимся к типологии и обратим внимание на одну деталь. Автор сравнивает русских матерей с медведицами, которые засели в берлоге и оберегают своих медвежат. Это важный культурологический концепт, дополн-

нительно подчеркивающий национальный контекст вопроса, – в западных странах Россия имеет зооморфное выражение именно в образе медведя [2; 6].

Хотя Н. В. Шелгунов в данной статье подчеркивает национальную принадлежность матерей – русские, обозначает характерные для России элементы быта, уклада, культуры, вместе с тем можно отметить универсальность типов, а не исключительную национальную своеобразность. Н. В. Шелгунов заключает, что общий знаменатель – *любовь к детям не является достаточным условием для воспитания хорошего человека*. Более того, оно может спровоцировать развитие дурных качеств.

В своей работе педагог не просто отвлеченно рассуждает о теоретической составляющей типологии русских матерей, «чадолюбивых медведиц», но обращается непосредственно к ним: «Милые маменьки, вы загубили нас своею любовью – дайте нам хоть немножко ума и общественных чувств!» [13, стб. 657].

Интересно, что материнская любовь имеет негативные последствия не только по отношению к ребенку, но и в обратном направлении – по отношению к родителям. Страдающим субъектом часто становится мать, при этом она выступает в роли раба. Об этом Н. В. Шелгунов пишет в своем педагогическом письме «Условия солидарности». Говоря о крепостном праве, как российском культурно-историческом феномене, педагог переходит к более общему понятию «рабство» в контексте воспитательной системы в целом и отдельной семьи в частности. И эта система оказывается калькой системы государственной, в которой есть рабство. Интересно, что первые рабы по статусу – это матери и няни. Но других членов семьи это от повинностей не освобождает. Все домашние – рабы ребенка [13, стб. 846]. Но в отношении матери и няни действует более суровая система правил, наказаний – им «не прощают и десятой доли того, что прощается другим» [13, стб. 846]. Следует отметить, что в настоящее время ситуация не изменилась. Н. В. Шелгунов констатирует: «Крепостное право уже миновало, а между тем домашних рабов вы найдете еще в каждом доме» [13, стб. 847]. Более того, рабство приобретает все более обостренную форму в условиях детоцентризма, где оно выходит за пределы семьи, становится не только домашним. И в подчинении оказываются воспитатели, учителя. То есть *ребенок не только не освободил от рабства взрослых за прошедшие сто лет, но усилил свое влияние, включив в него большее количество субъектов (взрослых)*.

Юридически это, естественно, на закреплено, но опосредованно зафиксировано в каждом документе, начиная с Конвенции о правах ребенка, где его жизнь, здоровье и благосостояние ставится на первое место, а ответственными выступают взрослые. Его рабство стало и более жестоким. В школах участились случаи проявления ребенком крайнего неуважения к учителю, хамства, а также применения физической силы. Неуважение

к педагогу также стало носить демонстративный характер – в социальных сетях выкладываются ролики, снятые на уроках, в которых зафиксированы подобные сцены. При этом ребенок знает о безнаказанности своего поступка. Учитель же напротив не может ответить ученику на оскорбления. По сути произошел возврат к негласной системе рабства, при которой педагоги не имеют как таковых прав, но находятся в подчинении у ребенка и его родителей, которыми он также манипулирует.

Н. В. Шелгунов считает, что эта проблема кроется в том, что в семье ребенку не были даны правильные понятия, представления о чужом труде и труде в целом [13, стб. 846], вследствие чего вырастает «эксплуататор». Кстати, если возвратиться к вопросу о детском труде, то можно увидеть, что это отдельная проблема, которая имеет нормативно-правовую основу, запрещающую использовать труд несовершеннолетних. Поэтому традиционное школьное дежурство, уборка пришкольной территории, закрепленных участков, уборка классов оказалась под полным или частичным запретом.

Но, думается, что позиционирование родных, и особенно матери, в качестве рабов и тогда, и сейчас не сводится только к тому, что недостаточно хорошо был разъяснен вопрос феномена труда. Он более масштабен и включает в себя нравственную, этическую составляющую. Ребенку важно дать понять, что родные, родители, как и другие взрослые, не рабы. При этом в ряде случаев это должны понять и сами взрослые, готовые добровольно принять роль рабов, чтобы во всем угождать ребенку. Рабская любовь не может стать прочной, здоровой основой для воспитания гармоничной личности ребенка, способной уважать, любить других, сочувствовать.

Здесь также особо следует подчеркнуть, что взрослое рабство в мире русских детей носит не экономический характер, а нравственный. Оно необходимо ребенку не в целях реализации какого-либо плана, проекта, семейного дела, а с целью личностного самоутверждения, получения определенного удовольствия от власти.

Н. В. Шелгунову импонирует экономическая ориентированность другой национальной воспитательной системы – английской, в которой имеет место ориентированность на воспитание «деловых привычек», что предполагает благородство, настойчивость, предусмотрительность, усидчивость, нравственную дисциплину, самообладание и пр. [13, стб. 847–848].

Но, возвращаясь к феномену матери в условиях капитализма, он вынужден признать, что система труда отрицательно сказывается на ребенке, поскольку мать вынуждена ходить на работу, а не заниматься его воспитанием. Н. В. Шелгунов в главе «Женщины и дети» в работе «Рабочий пролетариат Англии и Франции» указывает, что ребенок всецело зависит от матери, ее работоспособности, семейного положения, образованности, здоровья, социального положения. Поэтому публицист был против организации такой модели работающей матери в России.

Но в его трудах экономическая составляющая, а именно задействованность женщины-матери в производительном труде, присутствует постоянно в вопросе воспитания ребенка. В частности, в статье «Женское безделье» он подчеркивал, что производительный труд женщины – основание для воспитания полезных обществу экономических деятелей, достойных и разумных.

Думается, что для Н. В. Шелгунова изучение специфики феноменов «мать», «воспитание» имело не только общественную значимость, но и личную. Известно, что Николай Васильевич рано потерял отца и был определен в учебное казенное учреждение (с 5 лет в Александровский малолетний кадетский корпус, с 9 лет в Лесной институт) [11, с. 6]. О матери упоминается мало, но годы учебы, судя по его воспоминаниям, не стали светлым периодом, поскольку он пишет, что это было не воспитание, а дрессировка [9, 10]. В свою очередь материнской любви, заботы, можно предположить, явно ему не хватало.

Резюмируя вышесказанное, можно заключить, что при кажущейся простоте и некоторой неакадемичности типологии русских матерей, предложенной Н. В. Шелгуновым, рассмотрение феноменов «мать», «ребенок», «воспитание» – сложный и глубокий процесс, что определяется их анализом в непосредственной зависимости от экономической, социальной и национальной концепции публициста.

Список литературы

1. Есин Б. И. Н. В. Шелгунов. Москва: Мысль, 1977. 176 с.
2. Махмутова Л. Ф., Ушакова Н. В. Медведь как символ России и как политический образ на Западе // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2012. № 10–1. С. 105–115.
3. Никулина Н. Н. К вопросу нравственного прогресса в философской концепции Н. В. Шелгунова // Вестник Мурманского арктического университета. 2000. № 3. С. 467–474.
4. Пеунова М. Н. Этика Н. В. Шелгунова. Москва: Наука, 1978. 216 с.
5. Помелов В. Б. Педагогические идеи видного российского общественного деятеля Н. В. Шелгунова // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 4. Вып. 1. С. 11–16.
6. Рябов О. В. Медвежья метафора России как фактор международных отношений // Лингвокультурология. 2016. № 10. С. 312–330.
7. Сунцов Н. С. Экономические взгляды Н. В. Шелгунова. Москва: Госполитиздат, 1957. 224 с.
8. Тхоржевский С. С. Закон совести: повесть о Н. Шелгунове. Москва: Политиздат, 1989. 286 с.
9. Шелгунов Н. В. Воспоминания: в 2 т. Т. 1. Воспоминания Н. В. Шелгунова. Москва: Художественная литература, 1967. 510 с.

10. Шелгунов Н. В. Воспоминания: в 2 т. Т. 2. Воспоминания Л. П. Шелгуновой и М. Л. Михайлова. Москва: Художественная литература, 1967. 635 с.
11. Шелгунов Н. В. Избранные педагогические сочинения / под ред. Н. К. Гончарова. Москва: АПН РСФСР, 1954. 404 с.
12. Шелгунов Н. В. Очерки русской жизни («Русские ведомости» 1885 г., «Русская мысль» 1886–1891 г.). Санкт-Петербург: Изд-во О. Н. Поповой, 1895. 1098 стб.
13. Шелгунов Н. В. Сочинения: в 2 т. Т. 1–2. 2-е изд. Санкт-Петербург: Изд-во О. Н. Поповой, 1895. 852 стб.+740 стб.